

Маргинальное в литературе / для литературы

Й. Люцканов
София

Такова была тема летней школы (по сути дела – расширенной конференции), имевшей место в Софии в начале июня¹. Если бы я мог переменить заглавие, то предпочел бы «Литературу и маргинальность». «Маргинальное в/для литературе/-ы» исключает весьма актуальную тему: маргинализация литературы и литературоведения. Некоторые из участников продемонстрировали интерес как раз к ней².

Отталкиваясь от истолкования заглавной формулы, я попробую раскрыть онтологию маргинального в свете литературы. Я предпринял этот опыт еще до школы, с целью облегчить структурирование ее тематики. Когда это будет возможным, я буду иллюстрировать свои соображения положениями зачитанных докладов и лекций и примерами из них. Таким образом я попробую проверить совместимость между моими антиципирующими спекуляциями и тем, что случилось на самом деле. Но в ряде случаев заслушанное вызвало

---

¹ Программа доступна он-лайн: http://www.ilit.bas.bg/bg/Summer_School_2010.php. Все без исключения оповещенные в программе участники явились. Подготавливается издание сборника. Отсылаю к текстам лекций и докладов в не предназначенном для публикации окончательном виде. Ссылки на номера страниц – согласно распечаткам. В библиографии объем работ указывается, за исключением тех случаев, когда мы располагали только тезисами работы либо рассчитывали только на свои записки слушателя.

² Личева 2011; Kamburov 2011; и др. Личева обратилась к теме постепенной маргинализации экспертного знания о литературе в посткоммунистической Болгарии (см. ниже); Камбуров указал на новое явление глобального порядка, перед лицом которого сама литература может радикально маргинализироваться, если не ответит на вызов: представить и объяснить переступившую порог современности буквальность человеческого бессмертия – так, как до сих пор отвечала на вызов (замещающая уходящую религию) человеческой смертности.

новые спекуляции. Бессознательная установка на обязательное вычленение теоретического смысла, возможно, не раз деформирует эксплуатируемый «материал», за что прошу читателя и коллег о снисхождении.

I. Объем понятия *литература* варьируем. В конечном счете я пришел к распределению предполагаемого материала в четыре тематических группы:

А. Маргинальное в/для литературной институции

Б. Маргинальное в/для литературного текста [как вербальной структуры]

В. Маргинальное в/для книге/-и

Г. Идеологически/экзистенциально (не)маргинальное как репрезентируемое/ понимаемое/ пласируемое/ разлагаемое/ сотворяемое литературой¹.

Третий тематический круг, маргинальное для книги и в книге, был почти совершенно проигнорирован участниками школы. Такой, по моему, значимый – и особенно с точки зрения Софии – аспект первого круга, как *маргинальные литературы*², стал объектом внимания только одной³ лекции⁴.

II. Какое отношение существует между двумя сближаемыми понятиями?

---

¹ Этому тематическому кругу посвящены такие работы, как: (Hughes 2001). Они исследуют «как культурные центры нуждаются в периферийном, объявленном вне закона и девиантном в целях собственного самоопределения и самоподдержания» («how cultural centres require the peripheral, the outlawed, and the deviant in order to define and bolster themselves») (из вводной аннотации издателя).

² Я заимствовал понятие из тематического номера немецкого компаративистского журнала, см.: *Marginale* 1983. Вводная статья Дьорда М. Вайды, рассматривает пять и выделяет три аспекта маргинальности той или иной литературы – исторический, географический и лингвистический – отмечая, между тем, их относительность (Vajda 1983: 5–9); по-видимому, маргинальность литературы с социологической и эстетической точек зрения (там же: 10–12) были привилегированным объектом исследовательского внимания до данной публикации.

³ Hristov 2011. Тодор Христов сосредоточился на эффектах сочетания исторической, географической и лингвистической маргинальности; см. ниже. В двух лекциях было уделено внимание феномену маргинальной в социолого-эстетическом отношении литературы (Милчаков 2011: 6–8; Алексиева 2011). Тема Еньо Стоянова привела его к рассуждениям о маргинальном на уровне абстракции, который нельзя означить иначе как семиотическим, хотя на первый взгляд это маргинальность в социологическом и лингвистическом смыслах – о «минорной» литературе в смысле Жилия Делеза (Stoyanov 2011). Дьорд Вайда, обсуждая лингвистическую маргинальность литературы, цитирует «Дневник» Кафки (Vajda 1983: 9) (Кафке обязаны и Делез и Гваттари в выведении указанного понятия).

⁴ Мне ясно, что между этими тематическими кругами есть участки пересечения. Но я думаю, что они относительно равноудалены друг от друга, логически не разных уровней и что охватывают, в общем, все поле варибельности понятия *литература*; и что между ними зияний нет.

1. С одной стороны, «Маргинальное для литературы» предпосылает понимание литературы как субъекта. Возможно, сюда вовлекается представление о том, что литература создает, сотворяет (в наиболее общем смысле – «жизнь»: и эмпиричную, и идеальную; и наличную, и возможную). Ее можно считать подлинным субъектом, а можно считать и инструментом сотворения – мы открыты к обеим возможностям.

С другой стороны, «Маргинальное в литературе» имплицитно толкует литературу как 'посредника' (окна, зеркала – но с оттенком овеществленности). Здесь же вызывается представление, согласно которому литература подражает, от(об)ражает и т.п., а также указывает на саму себя.

Литература как объект отсутствует в нашей формулировке.

2. Если проигнорировать языковые тонкости, смысл темы можно выразить следующим вопросом: **Что не существенно для литературы?** Что остается незамеченным, что воспринимается как неважное когда мы читаем? И, возможно: что обделено вниманием литературы?

III. Что такое – маргинальное?

Концептуализация *маргинального* зависима от образа страницы с полями. (Трудно избежать пространственности прототипа. Избежание его материальности оказывается осуществимей, если учесть опыт софийской школы.)

При учете тех свойств литературы, которые породили данную модель концептуализации, в их совокупности, вырисовывается еще тип маргинальной литературы, кроме таковой по историческому, географическому, лингвистическому, социологическому и эстетическому критериям (Vajda 1983): литература, маргинальная по позиции в топографии страницы¹, или единицы материального медиума литературы; смещая субъект-предикативный акцент сообразно с нашей темой – еще *тип маргинальности* с точки зрения литературы/литературоведения: '-текстуальной'² (или медиальной) маргинальности³.

¹ Жанры маргинальной литературы в указанном значении слова (так, работа Георгиев 2004 [1990] различает в болгарской литературе периода османского владычества три таких жанра) были полностью обойдены вниманием участниками школы.

² Дефис указывает на зависимость осуществления маргинальности данного типа от тех «протяжений», «спутников» и «собеседников» текстуальности текста, которые обозначаемы префиксами пара-, мета-, гипер-.

³ Типология Вайды свободна от влияния «концептуальной», конвенционализированной метафоры (в смысле Джорджа Лакоффа и Майкла Тернера: «More Than Cool Reason», 1989, по: Cowling 1998: 16–17), определяющей наше мышление маргинальности, – от «пагинальной» метафоры. Это объяснимо, поскольку ее разработка предшествует «топографическому обрату» (topographical turn) (Geopoetiken 2010: 7–11, 19, 31 и др., см. там и отсылки к: Weigel 2002; Spatial 2008) в гуманитаристике, а тем более его авторефлексивного фазиса (фазис интереса к ментальным условиям, делающим его возможным). Сопряжение подходов текстологии и литературоведения (см. тематизацию этой необходимости и результатов ее

1. Можно мыслить маргинальное как синоним периферийного. Здесь мы отложим в сторону эту возможность. Можно *рядоположить* «маргинальное» и «периферийное» в рамках общей модели.

1. 1. На эту модель можно наложить модель более абстрактную, различие центра и периферии, и таким образом получится трехчастная структура: центр – периферия – маргиналия. Один из наших лекторов (Красимир Станчев)¹ справедливо настаивал на различии маргинального и периферийного. Периферийное, в отличие от маргинального, принадлежит к основному тексту, тому же самому автору (или авторитету) и при определенных условиях может стать центральным. Он указал на два типа периферийности, в зависимости от подходов к ней: типологизирующего и оценивающего.² В рамках первого, мы называем периферийным текст, который так удален от модели, что он приближается к модели какого-то иного текста или же к не-тексту. В рамках второго, мы называем периферийным текст, который близко следует за моделью, но сильно от нее разнится по качеству или интенсивности. Наш гость-лектор провел разграничение и между двумя видами маргинального. Во-первых, кто-то может приписать заметку просто в силу наличия пустого места, воспользоваться местом безотносительно к наличному тексту. Во-вторых, кто-то может приписать заметку, относящуюся к тексту. Сделав эти различия, Станчев смог предложить собственно свою тему и рассчитывать на то, что его формулировку поймут: «литература болгаров-католиков XVII века являлась маргинальной для Востока и периферийной для Запада, но оказалась индикатором будущего развития болгарской культуры». Оказывается, в некоторых особых случаях маргинальное может стать центральным: тогда, когда происходит радикальная смена вектора культуры. С этой точки зрения, маргинальное оказывается не больше и не меньше как степень (примерно, нулевая) периферийного, латентная периферия (подобно тому, как периферия – латентный центр). Нетрудно рассмотреть здесь матрицу семиотики культуры Лотмана

осознания, в англо-американском научном сообществе, в Ecdotica 2009) кажется нам симптомом того же «обрата». Мы же попытаемся провести умеренную денатурализацию пагинальной метафоры и сознательно использовать предоставляемые ею возможности мыслить маргинальное.

¹ Станчев 2011.

² Наверное, единственная работа в рамках школы, «фронтально» и без ухода в *свою основную* тему теоретизировавшая маргинальное, акцентировала как раз эту двойную возможность: Милчаков 2011. (Милчаков коснулся и предыстории современного «триумфального шествия» терминов – философской («Marginalien und Register zu Kants Kritik der reinen Vernunft», G.S.A. Mellin, 1794) и социологической («Human migration and the marginal man», R.E. Park, 1928), с. 1). К сожалению, работа подвела к категории «маргинального» ряд явлений «периферийного» характера, что было отмечено Красимиром Станчевым во время обсуждения. Ирония ситуации – так как именно в этой работе было отправлено предостережение не объедаться все еще слишком модным понятием / категорией / словом «маргинальное» (Милчаков 2011: 8–9).

и Успенского, базирующуюся на понятии текста и на концептуализации истории литературы¹, но скорректированную опытом² филолога-медиевиста³.

1. 2. Оставаясь в рамках пространственной (или опространственной) модели (де)градации от центрального к маргинальному, можно различить количественный и качественный подходы. Количественный подход мыслит маргинальное как степень, как переходную ступень. Как степень принадлежности к данной системе или полю; что можно выразить алгебраически: если $a =$ принадлежности к данному полю, то центр = a в степени n , где $n > 1$, периферия = a в степени 1, а маргиналия = a в степени 0.

Попробуем набросок качественного. Обобщая свои наблюдения над (меж)дискурсной ситуацией в литературе советской Грузии 70-х гг. (до

---

¹ Я имею в виду Юрия Тынянова: периодическое смещение жанров от центра к периферии, при большей или меньшей осязаемости встречного подспудного или периферийного и слабого течения.

² И, добавим, человека бывалого: по ходу дискуссий им, по крайней мере, раз было высказано мнение, что мода на «маргинальное» лишь расставляет своего объекта-идола там, где раньше значилось: «периферия»; тем самым за импульсом различения 'маргинального' и 'периферийного' обнаруживается и этический мотив.

³ По-видимому, Юрий Лотман последовательного и тем более эксплицитного разграничения между 'периферийным' и 'маргинальным' не производит (очевидно, таковое находится не в центре его внимания). Следующий отрывок свидетельствует скорее всего о спорадическом различии: «Мы уже останавливали внимание на процессе перемещения периферии культуры в центр и оттеснения центра на периферию. С еще большей силой сказывается движение этих противоположенных потоков между центром и "периферией периферии" – пограничной областью культуры» (Лотман 2000 [1990]: 266). Различение 'периферийного' и 'маргинального' проводится по оси противоречия / несоотнесенности, см.: «Во-первых, если в той ядерной структуре, где создавалось данное самописание, оно действительно представляло идеализацию некоторого реального языка, то на периферии семиосферы идеальная норма противоречила находящейся "под ней" семиотической реальности, а не вытекала из нее. Если в центре семиосферы описание текстов порождало нормы, то на периферии нормы, активно вторгаясь в "неправильную" практику, порождали соответствующие им "правильные" тексты. Во-вторых, целые пласты маргинальных, с точки зрения данной метаструктуры, явлений культуры вообще никак не соотносились с идеализованным ее портретом» (Там же: 255–256). Потенциалом осмыслить различие 'периферийного' и 'маргинального' обладает и различие Лотманом в работе «Культура и взрыв» бинарных и тернарных систем. – Решением всмотреться в написанное Лотманом мы обязаны коллеге Тиграну Симяну, за что приносим ему свою благодарность. Мы отдаем себе отчет в том, что многое в нижеследующем изложении неизбежно перекликается с темами и решениями, разработанными Лотманом.

1978 г.)¹, Ирма Ратиани пишет: «Неоспоримую доминантную позицию сохраняют: субъективистский дискурс и радикальный дискурс, а также нейтральный, а на маргинальную позицию перемещаются: адаптированный дискурс и модернизированный советский» (11). Итого – сожитительство пяти дискурсов, или «моделей дискурса»². Полагаясь на допущение об осуществленном здесь принципе экономности системы, попробуем отнести каждый из дискурсов к какой-либо типово-индивидуальной позиции в ее структуре, или к ‘типовому’ габитусу в рамках поля³. Но перед этим обратимся к еще одному примеру, подтолкнувшему нас несколько осложнить схему.

Григор Григоров рассказывает историю *успешного* маргинала – произведения с заглавием «Шуми Марица», фактического гимна Третьего Царства Болгарского. Гимн этот выпадает и из эстетического⁴, и из политического рядов. «Массовая культура» находит ресурс, благодаря которому ее продукт становится центральным, но по-особенному; она становится «центральной наизнанку», то же и с ее успешным продуктом.

¹ 14 апреля 1978 г. «грузины открыто выступили на защиту своего государственного языка. Именно с этой даты следует начинать отсчет деструкции дискурса грузинской литературы советского периода» (Ратиани 2011: 11).

² В 70-е годы «литературная система неординарно расслоилась и, в результате, создается новая картина маргинальности / доминантности. Вычлениются следующие модели дискурса: *субъективистский дискурс* (“инакомыслящие”), как глубинная модель антисоветского дискурса; *радикальный* (...) (диссиденты), как утриванная модель антисоветского дискурса; *адаптированный* (...) (конформисты), как попытка интеллектуального примирения антисоветского и советского дискурсов; *нейтральный* (...) (невмешательство) – пассивная модель антисоветского дискурса, родственная субъективистскому (...), но отличающаяся от него активностью позиции. И, конечно же: *модernизированный советский дискурс* (предусмотрительные апологеты), как новый оплот советской власти», Ратиани, 10–11.

³ В своих отсылках (в т.ч. неоговариваемых и модифицирующих) к Бурдьё мы опираемся на работу: Бурдию 2004 [1992].

⁴ Григоров 2011. Гимн пробивал себе путь к канонизации и квази-официализации (к 1925 г.) почти полвека. В 1912 г. в его защиту выступает Иван Вазов (с. [10]), реалист, живой классик и «патриарх» новоболгарской литературы: позиция, конечно, влиятельнейшая, но с точки зрения литературного поля Вазов – представитель «авангарда *рукоположенного*» (а скорее институционально утвердившихся писателей и манеры письма) и даже гетерономии (в той степени, в какой приоритеты программы национального объединения не совпадают с приоритетами литературы, как искусства слова, в период занятия предсимволизмом зоны авангарда рукоположенного и символизмом – авангарда «богемного»). Позицию Вазова в данном случае нет оснований считать репрезентативной как для апологетов национальной каузы от литературы, так и для сторонников императива «почвенности» современного искусства, ибо веские возражения против гимна отправлялись и с таких позиций (ср. там же, [9], [11] и др.).

Возможно, он попадает в культурную и литературную полосу, неважную как для автономии, так и для гетерономии. Может быть, она исторически подвижна? В тоталитарном обществе этой полосе принадлежит, допустим, детектив. В либеральном – политически ангажированная литература. Почему? Откуда это? Можно принять, что существуют, в принципе, два источника, центра или режима гетерономии в искусстве: политика и экономика. Любое общество живет в режиме относительной не-свободы (разной степени), определяемой импульсами либо политического (идеократического), либо экономического (рыночного) фундаментализма. Соответственно, гетерономия, дающая автономии того или иного поля искусств, либо политическая, либо экономическая. Давление мотивируется, соответственно, такими мировоззренческими установками, как ‘классы важнее / первичнее общества’ и ‘рынок предшествует (онтологически / исторически / логически) обществу’. (Возможно, пара ‘идеократический’ – ‘маркетократический’ порядок точнее характеризует две гетерономии, чем пара политика – экономика.) Давление оказывается, соответственно, либо на интеллектуальную, либо на эстетическую автономию. И в том и в другом случае литература находится под угрозой самомаргинализации, если она предаст свой центр соответствующей гетерономии¹. Куда смещается / где формируется

¹ В условиях раннесоветской идеократии это, по-видимому, происходит так: протекает «идеологическое зомбирование писателей и привлечение их на службу диктатуре под давлением террора» (Ратиани, с. 3), а параллельно тому или, скорее, затем – процессы подстраивания под тон доминирующего, «пролетарского», дискурса; интеллектуальная автомаргинализация ведет к эстетической либо предшествует ей. «Понятие “писатель” полностью вытесняется понятиями “наш” и “враг”» (4), т.е. эстетическое или литературное маргинализуется гетерономным, идеократическим (либо профанацией идеократического) в качестве доминантной гетерономии. Рискнем предположить, что автомаргинализация литературы в условиях маркетократии начинается с эстетической сдачи. Ознакомление с работой Амелии Личевой (Личева 2011), посвященной социальной маргинализации носителей экспертного гуманитарного знания и писателей в пост-коммунистической Болгарии, позволяет подвести обобщения, касающиеся *автомаргинализации*, к следующему уровню абстракции. В начале 1990-х представители указанных групп располагают властью, в т.ч. политической, присутствуют интенсивно в СМИ, но избегают посвящаться “конкретным” вопросам современности, храня верность лишь самым общим идеям – демократизации, европеизации, (Личева, 11). По-моему, напрашивается более категорический вывод: решающим оказывается отсутствие не «конкретных» дел, а дел, идущих *вперед* повестки дня общества. Сказывается своего рода конформизм. Пост-коммунистические писатели и гуманитарии заражены рефлексом «отвечать на запросы общества». Неследование автономией собственной повестки дня (что не следует смешивать с установкой на занятие собой) неизбежно ставит писателей и гуманитариев в положение поспевающих за чужой повесткой. Выбирая безопасность (в этическом отношении) быть «с людьми», они теряют и свободу (свою повестку дня), и безопасность (маргинализуются социально).

сопротивление? Туда и в том, что можно обозначить понятием *антицентр*. Можно считать, что этот антицентр отстаивает либо интеллектуальную свободу (при давлении политической гетерономии), либо эстетическую свободу (при давлении рыночной гетерономии). (В этом смысле, наиболее опасными для автономии являются режимы, могущие упражнять как идеократическое, так и рыночное давление на автономию. Такая ситуация может показаться маловероятной, поскольку для ее осуществления требовалось бы, предположительно, большое сосредоточение сил / власти. См. инструментализацию свободно-рыночного порядка идеократическим в одной из ведущих стран современности. Но я имею в виду и режим, отрицающий идеократичность, но покоящийся на фетишизации свободно-рыночного порядка и тем самым являющийся крипто-идеократическим; пока он лишь в становлении, насколько можно судить.) Таким образом получается поле с центром, антицентром, переходной зоной и маргиналией, являющейся своеобразным 'ино-центром' либо 'а-центром'. В условиях идеократического порядка (или хотя бы политической диктатуры) 'ино-/а-центр' воплощает корреляцию эстетической автономии / рыночной гетерономии. Может, лучше разбить нововведенное понятие на два: отнести ино-центр к невостребованному модусу (варианту) автономии (в данном случае это будет эстетическая, а не интеллектуальная автономия) и на 'а-центра' (зону властвования рыночной, или в данном случае *недоминирующей*, гетерономии). При рыночной диктатуре (маркетократизме) 'ино-центр' формируется агенсами интеллектуальной свободы, 'а-центр' – агенсами политической гетерономии. В обоих случаях можно отождествить маргинальное с 'а-центром'. Только что мы продемонстрировали опыт качественного и статизирующего подхода к маргинальному. (Нам кажется, что виды литературного дискурса, выделенные Ратиани для позднесоветского периода в Грузии, до 1978 г., можно втиснуть в эту топографическую схему. Успех гимна «Шуми Марица» следует искать, кажется, в следующем направлении: его восход протекает в условиях приблизительно паритетного давления политической и экономической гетерономий на автономию; ни одна из двух не обладала такой силой, чтоб навязать произведение полю, или чтобы, соответственно, вызвать достаточно острое сопротивление в адрес произведения; оно смогло рассчитывать на какого-то рода дисперсный ресурс).

1. 3. Динамика маргинализаций и демаргинализаций, выводимая из наблюдений над историей литературы (в аспекте исторической поэтики или же

Данное объяснение не противоречит другому возможному объяснению неуспеха гуманитариев и писателей после 1989 г.: новая ситуация была контрпозитивна отстоявшемуся «трикстерскому» образу жизни (Еленков 2011) не только в смысле изменившейся социальной, экономической, институциональной «базы», но и в смысле изменившихся «требований эпохи». В образовавшемся интеллектуальном вакууме они сохранили стереотипы полудиссидентствующих полу-маргиналов. Конечно, такое объяснение весьма безответственно в отношении конкретных писательских судеб.

социологии литературы), свободная от силы «пагинальной метафоры», тематизировалась в рамках школы не раз¹.

Основной пафос лекции Анисавы Милтеновой был направлен на демонстрацию релятивности понятийной пары «центральное – маргинальное» в отношении средневековой болгарской (и, шире, южнославянской) литературы (или словесности²), в особенности того, что касается жанровой системы. Милтенова озаглавляет (последнюю) часть своей статьи «Преодоление маргинальности», вкладывая, по-видимому, множественное значение, имея в виду: 1) преодоление однозначной таксономии со стороны исследователей; 2) возможность преодоления маргинального статуса любым текстом и жанром в средневековой литературе, благодаря / из-за специфического характера средневековой (и позднеантичной) текстуальности; 3) такую же возможность, в силу такой социо-исторической универсалии, как периодическое или спорадическое ослабление институционального контроля (как это имело место в позднем болгарском средневековье); 4) случаи преодоления маргинального статуса тем или иным текстом / произведением, при переходе из одной литературно-языковой среды в другую (напр., из византийской в болгарскую). (Ср. Милтенова, 16–17 и сл.).

С учетом богатства наблюдений эта работа дает возможность приложить вариант набросанной в § 1. 2. схемы к средневековой болгарской литературе в диахронии. Стержень этого варианта схемы – выделение четырех степеней каноничности: каноничность, квазиканоничность, неканоничность, антиканоничность (см. Милтенова, 13)³. Члены этого семантического ряда нетрудно соотнести с членами топографического: центр, периферия, маргиналия, анти-центр (хотя данное соотнесение небесспорно), причем остов трехчленный: центр – промежуток – антицентр, где в промежутке остаются как количественно разные величины периферия и маргиналия⁴.

¹ Милчаков 2011, 7–8; Милтенова 2011: 14; и др.

² «Словесность», по смыслу аверинцевского различия «греческой литературы» и «ближневосточной словесности».

³ Наименования членов (де)градационного ряда совпадают с наименованиями типов апокрифов, предложенными Александром Наумовым в его функциональной классификации славянских апокрифов (Милтенова, 11).

⁴ По-видимому, к промежуточному типу незапрещенных, но и неканонизированных книг следует отнести и тексты типа «пересказывающие Библию» (Филип Александр, Геза Вермес); Емануэль Тов, Джеймс Вандеркам и др. отдают предпочтение термину «парабиблейская литература» (Милтенова, 8–9). Парабиблейская литература, особенно в тех своих жанрах, в которых она конкурирует с каноническими Писаниями (а не занимает позицию вторичной по отношению к ним), находится между центром и антицентром и в этом смысле маргинальна; но к маргинальности в смысле а-центра, полосы недоминирующей гетерономии (к коей можно отнести гадательные книги; 13), отношения не имеет. Вовлечение пары «гетерономия – автономия» при исследовании поля средневековой литературы, мягко говоря, рискованно (и Петер Бюргер, как бы релятивизируя сингулярность того литературного поля, чье рождение Бурдые рассмотрел в третьей четверти французского XIX

«В позднем средневековье (XV–XVII вв.) апокрифы превращаются в популярную литературу» (14). Другими словами, происходит маргинализация анти-центра.¹ По мере деактуализации отходящей в прошлое системы либо фазиса системы вне-положенный агент проникает ‘внутри’ ее.² Происходит также смешение анти-, ино- и а-канонического – симптом ломки или глубокой трансформации системы: в позднем средневековье апокрифы «помещаются в т. н. сборники смешанного содержания, в которых преобладают краткие нарративные жанры (патериковые рассказы и легендарные повествования), ограниченное число житий, летописных произведений, гадательные книги, тексты в вопросно-ответной форме, рецепты и др. В этих позднесредневековых сборниках дуалистические элементы с возрастающей регулярностью *смешиваются* с народными верованиями и преданиями, иными словами – они полностью потеряли свою характеристику еретических. Даже и те тексты, которые сохраняют свою старинную форму и содержание (...) (напр., переводной апокриф “Прение Христа с диаволом”), в окружении остальных материалов в сборниках имеют скорее дидактическую и познавательную направленность, чем представляют еретическую оппозицию канону» (14). В общей сложности, в XV–XVII вв. маргинальное (краткие сочинения в вопросно-ответной форме) становится центральным (19), анти-центральное (апокрифы) – маргинальным, центральное – по-видимому, периферийным³. На следующем этапе (национального возрождения: XVIII–XIX вв.) бывшее маргинальное становится периферийным, а одно из ино-центральных становится центральным. Можно строить периодизацию первого порядка (основные периоды в истории данной системы) на основе цикла перемены мест трех позиций; появление в их кругу четвертой, внешней, есть основание для выделения отдельных систем, хотя бы и преемственных между собой, или периодов высшего порядка⁴.

века, распространяет модель лишь на век абсолютизма: Burger 1992 [1983]). Отложим обсуждение этого вопроса на другой раз.

¹ Возможно, это происходит вследствие появления и роста либо параллельно с ростом нового анти-центра: сначала это исламская книжность, пришедшая с османскими завоевателями (если принять, что болгарский восприиматель писаного слова не был в изоляции от османотурецкой книжности / словесности / литературы; в любом случае надо конкретизировать), а потом литература атеистическая либо литература соседей-конкурентов (прежде всего, новогреческая).

² Сравнимо ли с маргинализацией диссидентской литературы после 1989 г.?

³ Ср.: «Превосходство упрощенного дидактического комментария над традиционным экзегезисом особенно характерно для периода XV–XVIII вв.» (19).

⁴ Но ср. с указанным выше утверждением Красимира Станчева, что занятие маргинальным центральное положение знаменует радикальную смену вектора культуры (антиципирует ее или сопутствует ей?). Видимо, формирование маргинального, являющегося подобием ино-центра, антиципирует воз-

В отношении более раннего периода, понятие 'ино-центра' соотносимо с язычеством. «Гадательные книги (...) в наибольшей степени "маргинальны" в отношении канона, так как они сохраняют языческие представления» (Милтенова, 13). В некотором смысле они в стороне от оси напряжения канон – антиканон. Вспомним и парадоксальную отрицательную градацию: еретики хуже иудеев (а иудеи хуже язычников)¹. Несмотря на то, что в индексах гадательные книги поставлены рядом с еретическими писаниями, будучи обозначены как «богоотметнати книги», маргиналии и другие паратексты гадательного характера встречаются в таких памятниках, как Бачковская псалтырь и Асеманиево евангелие. И то и другое свидетельствует, согл. А. Ангушевой, о том, что средневековый болгарский читатель воспринимал их всерьез, как носители тайного знания, сохраняющего языческую сакральность и таким образом противопоставляющегося официальному христианскому культу (Милтенова, 13). Мы воздержались бы от тезиса о противопоставлении, довольствуясь утверждением о сосуществовании, скорее бесконфликтном, что касается сознания большинства читателей. Но как бы то ни было, к соположенности двух систем сакрального знания стоит приложить термин диглоссия (хотя и в порядке интерполяции). Двуродность (мировоззренческая в данном случае) видна только или преимущественно снаружи. Есть основания предположить периодическое усиление и ослабление нетерпимости к инородным, т.е. в данном случае языческим, элементам, с точки зрения кодифицирующего верха. Те колебания можно уподобить колебаниям между состояниями диглоссии и двуязычия (если только это не необратимый сдвиг), а также между рукописным листом с текстовым блоком допускающим изображения в самой своей толще, и таким, где обособилось крайнее поле, куда изолируются от текста маргинальные уже изображения (см. Camille 1992: 16–20).

Наблюдения над гибридными макрожанровыми образованиями кажутся особенно информативными. Эти образования – материализация, идущая навстречу метафорическому отождествлению текста и дискурса, маргинального в плане текста рукописи и в плане дискурса, но и предостерегающая от такового. (В комментируемой работе чувствовалась тенденция к отождествлению парабиблейской и паратекстуальной литературы – отождествление, по-видимому, не противоречащее некоторым авторитетным терминопотреблениям, но теоретически, на наш взгляд, неплодотворное).

возможность таковой смены, занятие же им или же подобием этого подобия позиции центра свидетельствует уже об осуществлении возможности смены. Во избежание недоразумений следует отметить, что Станчев тематизировал литературу, маргинальную / периферийную в силу маргинальности / периферийности данной профессиональной суб-общности болгарской этнической общности, тогда как работа Милтеновой относится к литературе профессионального «мейнстрима» болгарского этноса.

¹ Логике этой семантико-космологической инверсии коснулся доклад Койчевой, с. 12–13 (см. ниже).

Отталкиваясь от такой характеристики диглоссии, как невидимость языковой двусоставности изнутри и видимость ее снаружи ('диглоссийность' в расширенном смысле присуща любой системе: определенный набор случаев многозначности и омонимии снаружи неразличим; а процесс перехода от диглоссии к двуязычию сравним с переходом изнутри вовне), можно прийти к следующему определению маргинальности. Маргинально то, **с чьей точки зрения нерешим вопрос** «диглоссия или двуязычие?», «омонимия или многозначность?», «омонимия или гетеронимия?», «многозначность или однозначность?». Наше текстоцентрическое рассмотрение маргинальности «в свете литературы» приоткрывается к фигуре читателя.

Динамизированная модель помогает преодолеть характерную однобокость модели, ориентированной на страницу. Маргиналию не только при-писывают; процесс диссоциации внутри текста может привести, при последующем его воспроизведении, к отложению фрагментов в виде маргиналий, отписок. Маргинальное подвергается действию диалектики включения и *исключения*. Обследование процесса перевода и цепочки связанных между собой переводов, а также цепочек вариантов данного произведения может поддержать это представление, что косвенно и помимо интенции автора подтверждается другой работой, зачитанной на школе (Кузидова-Караджинова)¹. Маргинальное можно отождествить с потерянным и приобретенным при переводе, с побочными продуктами перевода. Заметки переводчика – одна из возможных материализаций так понятого маргинального. Иногда перевод может послужить лишь поводом для артикуляции чего-то своего. В этом, чрезвычайном, случае сам перевод становится маргиналией.

Оставаясь на почве литературоведения, динамическую модель маргинального, не теряющую связь с архетипом страницы, естественнее всего создать на основе т. н. генетической критики. Напр., в рамках выдвигаемой Даниелем Феррером «маргиналистской экономии текстопорождения», чей основной объект – заметки на полях как текстуализованные промежутки между прочитанными текстами и текстами, которые писатель (не) напишет².

1. 4. Мы подошли близко к межсубъектному и даже межперсональному измерению маргинальности. Одна из лекций была посвящена канадской художнице и писательнице Эмили Карр, объявившейся в поддержку сохранения культурного наследия некоторых индейских народов Британской Колумбии и интегрировавшей элементы их традиционного искусства в стиль собственных работ (Аламо Мартин)³. Из публики задали вопрос: покровительственное отношение к кому-либо маргинализирует его, да? Затем, снова из публики, напомнили об использовании Пикассо африканских примитивов и задали другой вопрос: разве двусмысленное отношение (ни полное отождествление с другим, ни откровенно-дистанцированное

¹ Кузидова-Караджинова 2011.

² Ferrer 2004. – Работа помещена в тематическом (как и все остальные) номере журнала *European Society for Textual Scholarship, Variants*, посвященном «чтению заметок [на полях и иных]».

³ Álamo Martín 2011.

употребление его достижений) – не самый опасный способ вести себя по отношению к другому? «Опасный» в смысле моральной уязвимости и эффекта маргинализации другого. Наше спекулятивное внимание привело нас к очередной идентификации маргинального: с тем, что или кто и не просто средство, и не просто цель (и не полностью опредмеченное оно, и не Ты с прописной буквы).

Маргинальность, по-видимому, является разновидностью промежуточности. Пространственной, временной, а также в отношении степени одушевленности / неодушевленности, субъектности / несубъектности, персональности / аперсональности; наконец, в смысле меж-мира: двойной полосы по эту и по ту сторону смерти. Рефлексии и переживанию этого измерения промежуточности в поминальной гимнографии болгарского средневековья был посвящен доклад Регины Койчевой¹. Львиная доля внимания досталась «картине мира», материальных (медиальных) же условий устояния жанра работа коснулась вскользь. Тематизация маргинального², в том числе человека как маргинального и кризисного существа по конституции³, – в центре культуры похоронной гимнографии. «Краегранесие», нанизывающее стихи гимнографического текста на ось акростиха, – воплощение маргинальности в чисто текстуальном / медиальном смысле. В случае поминальной гимнографии она обретает и социологично-эстетическое измерение. История переписывания одного конкретного гимнографического произведения рассматривается как эмблематическая; оказывается, что «конструкция акростиха лишена устойчивости и не выдержала испытания временем» (Койчева, [15]). Занимая термин у коллеги⁴, скажем, что «влиятельный читатель» не узнал данный акростих как значащий,

¹ Койчева 2011.

² «Сопоставление зон с двух сторон данной границы [смерти, успения. – *Й.Л.*] является основным принципом, на котором покоится поэтическая система похоронной древнеболгарской гимнографии» (Койчева, [7]).

³ «Двухнаправленное пересечение другой границы – Божьих заповедей – является имманентным признаком всего земного пути человека» (Койчева, [8]). Интуиция о конститутивной маргинальности и кризисности человеческого существа, такового, каким оно дано в настоящем (после грехопадения и до апокатастасиса) гармонирует с характерным для эпохи представлением о своем коллективном «месте» в истории: 'центр' не совпадает со своим 'эго'. «Большинство людей сегодня считают, что человек находится в центре этноцентрической системы мира как в политическом, так и в эстетическом отношении. В противоположность тому, люди средних веков видели себя на окраине, последними ветшающими отбросами убывающего человечества, рассыпавшийся конец Золотого века, с жадностью ожидающий последнего Суда» («Most people today consider that man is at centre of an ethnocentric world system, both politically and aesthetically. In contrast, the people of the Middle Ages saw themselves at the edge, the last ageing dregs of a falling-off of humanity, the dissipated end of a Golden Age eagerly awaiting the Last Judgement») (Camille 1992: 53).

⁴ Juha Nieme, ссылка у P.-R. Larm, см. ниже.

как (акро)-стих¹. Энтропия в этой зоне оказалась наиболее «эффективной». Отсюда возможно определение маргинального как зоны повышенной энтропии, не-устояния структур во времени. С иной (Делеза и Гваттари) точки зрения: зона абсолютной детерриториализации.

Койчева считает маргинальным жанр акростишной поэзии в целом: «поэзия маргиналий», т.е. принадлежащий недозамечаемым, затрагиваемым энтропией зонам. Это – особый род социолого-эстетической маргинальности, как бы полная противоположность нашим обычным представлениям об этих ее аспектах. Вспомним пирамиду потребностей Абрахама Маслоу. Фокусированность усилий культурного сознания может передвигаться по вертикали; примем, что чаще всего оно сосредоточено на средних высотах (в горнем нет ресурса, о дольном можно заботиться мимо сознания); ‘низкое’ и ‘высокое’, хотя и по-разному, маргинальны.

Понятие темпоральной промежуточности можно отнести к двум явлениям, на первый взгляд совершенно разным, но скорее всего *лишь* диаметрально противоположным: авангард, осознающий себя телом через *равелин*, мостом живых человеческих тел, обеспечивающим путь в будущее, рассчитывающий на соответствующие жесты², и ‘незамеченное’ либо забытое поколение периода невидимой аккумуляции «между двумя большими эпохами»³. Инструментализованная и неинструментализованная промежуточность. Обычные периодизационные триады нетрудно свести к топографической диаде или триаде. Кватроченто (подготовительный этап) и маньеризм (период презрелости) – корреляты периферийности. Центр – чинквеченто. Все ли «центральные» эпохи, эпохи «большого стиля» с апостериорной точки зрения, считали себя застывшей вечностью? Встает проблема степени осознанности и вмененности маргинальности, периферийности и центральности.

В данной работе (как и в нескольких других)⁴ маргинальность тематизируется негативным путем, от литературной институции; обсуждается широчайшая распространенность выпадения даже по *той* стороне маргинальности (т.е. впадения в незаметность до степени невозстановимости в поле внимания);

---

¹ По лингвистическим (смысловая тождественность паратактических конструкций с и без союза «и») и эстетическим (недостаточная чувствительность «влиятельного читателя» к фигуре акростиха) причинам.

² Об этом писал Мережковский в первом манифесте русского (пред-)символистского авангарда «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе», а Ренато Поджиоли выводит как один из конститутивных признаков авангарда – агонизм (см. Poggioli [1968]: 66-70).

³ При недооценивающем взгляде на такие периоды они отождествляются с ‘периодами эпигонов’. Традиционная эстонская литературная историография XX века оставляет читателя при впечатлении, что поколение или поколения писателей последней трети XIX века – лишь межа между двумя большими эпохами. См. Larm 2011: 9–10. В настоящий момент идет переоценка; недооценка, показывает Ларм, есть продукт мифотворчества следующего за недооцененным поколения, 10–11 и сл.

⁴ Напр., в Пенчев 2011.

и, парадоксально, устойчивость центра (предполагаемое правило, что в канон легче попасть, чем оттуда выпасть¹).

Как я уже сказал, пренебречь материальностью текста-и-поля оказалось легче, чем пренебречь их пространственностью. Остаточное воспоминание о поле, обрамляющем текст, и о грани страницы вызывает воспоминание или представление о материале (бумага, пергамент, краски, чернила и т.д.) и о декорации. На протяжении веков (в средних веках) и десятилетий (в период интенсивных модернистских экспериментов) литературные произведения воспринимались в единстве с интермедийным окружением (и даже упаковкой), и эта интермедийность либо подвергалась интериоризации в форме фигур синестезии и экфрасиса, либо извергалась из поля книжной страницы. Этот аспект маргинальности был затронут в трех работах (Ралф Клеминсон; Аламо Мартин; Ракьовски)²; стоит отметить, что только первая из них принадлежит медиевисту³. Более того, в докладе, посвященном акростиху и его двусмысленной пограничности, – находится на периферии зрительного поля, но выражает саму суть целого (Петрова)⁴ – его визуальные и материальные аспекты остались вне поля внимания⁵.

Прошу снова обратиться к архетипу страницы. Он подталкивает мыслить пространственно и визуально, притом в категориях мерного, оразмеряемого – значит, геометризируемого и географизируемого – пространства. И вместе с тем задействуется оппозиция время vs. пространство. Что касается архетипа страницы, то он подает не только визуальные, но и тактильные метафоры. **Маргинальное, следовательно, есть ‘пространственная рама возле / около / у временного потока’.** Но его можно обнаружить и в противополо-

¹ Что касается эстонского канона (Larm, 3). В обсуждении после лекции Милчакова речь зашла о случае в болгарской литературе, свидетельствующем об ином (канон впускает так же трудно, как и выпускает).

² Cleminson 2011; Álamo Martín 2011; Ракьовски 2011.

³ Работа Клеминсона заслуживает особого внимания по нескольким причинам: во-первых, сама постановка вопроса: «Поле как текст» (причем работа поддерживает провозглашенный заглавием горизонт: окраина служит не окраиной, а полем для размещения отдельного текста); во-вторых, необходимость в ней внимания таких эмблематических ситуаций, как репрезентация маргинального по функции текста не на полях, а в виде параллельного «главному» текстуального столбца и как буквальное вытеснение текста, написанного более крупными буквами, т.е. вроде бы основного, комментарием; в-третьих, охватывание постистории поля рукописи (в печатной и в электронной книгах). Внимательное рассмотрение этой работы приходится отложить.

⁴ Петрова 2011.

⁵ В еще большей степени обманула мои ожидания работа (Христова-Шомова 2011): рассмотрение христианского календаря («православных календарей», см. библиографию) с точки зрения его «центра» и «периферии» совершенно не заинтересовалось соответствующей семиотической композированности памятников / жанров книжности, этот календарь фиксирующих. Тем самым опорные концепты подверглись чрезмерной метафоризации.

ложном: **маргинальное – это неустановленное, неизмеримое или мимолетное в урегулированном, оразмеренном, подчеркнуто иерархичном и скорее статичном мире.** И то и другое представление можно проиллюстрировать видом страницы иллюминированной рукописной книги. Маргинальное – осадок, *отстой*; и вместе с тем – ползучие пески.

Отстой может оформиться. Тогда маргинальным, в литературе и для литературы, выступит архитектура. К этому мысленному образу подходит следующее определение маргинального: это то, что находится на границе зримого и незримого и что делает сердцевинное естественным и собранным (внутренне согласованным), а также от рождения сердцевинным. В этом смысле сама литература является маргинальной для архитектуры; хотя вызывает образ, скорее, ползучих песков, чем отстоя.

Перед тем как отказаться вовсе от оппозиции и шкалы центр – периферия, попробую угадать разумный оптимум ее дифференцированности. Я сделаю это при помощи аналогии. Классик, маньерист, эпигон, плагиатор¹ образуют регрессию, которая, если проектировать на страницу, обретет следующий вид: текстуальный архетип или референт (т.е. центр), наличный текст (периферия), маргиналия, позиция вне страницы (ср. с типом градуальной оппозиции в фонологии).

В рамках настоящего раздела (§ 1) мы не только осмыслили проблематику под воздействием «пагинальной метафоры», но и игнорировали возможное несовпадение проявлений маргинальности при текстоцентрическом (с одной стороны) и при персоноцентрическом (с другой) подходе к литературе. Коротко говоря, маргинальная литература и маргинальные авторы / писатели не одно и то же.

Понятия «маргинальный писатель» (недостаточно чутко, кажется нам) коснулся в своей лекции Милчаков, но, что существеннее, он продемонстрировал многосоставность, многомерность авторской ситуации, что касается доминантности / маргинальности: каждый из тех «Я», которые составляют целость, (не)когерентность, узнаваемость того или иного автора, более или менее маргинально либо доминантно в соответствующем измерении социального и / или литературного поля².

¹ Обращением к данной тетраде при конституировании темпоральной «карты» эстетической формации или литературного поколения (но приложимой и к более длительным интервалам), мы обязаны тексту статьи «Краткая история болгарской поэзии» (1925) болгарского экспрессиониста Гео Милева, где он прибегает к триаде 'классик' – эпигон – плагиатор в качестве системообразующей.

² «[П]оэт Йордан Стратиев, в период своей скандальной персональной и наибольшей литературной известности, как болгарский посол в Бухаресте, публикует свои стихи в болгароязычных изданиях уже присоединенной к Румынии Добруджи. Этим своим, несомненно, патриотическим жестом Стратиев *одновременно "официально государственен"*, поскольку в рамках дипломатической миссии культурное сотрудничество между враждебными друг другу государствами являлось долгом службы; "*централен*" – поскольку получает софийский литературный приз, а его личная жизнь (...) становится

«Пагинальная¹ метафора» гармонирует с текстоцентрическим подходом к литературе. Она полу-опредмечивает читателя, уделяя ему поле страницы. Впуск в приграничную полосу – единственно возможная степень принятия / воплощения Другого в Себе.

2. Если попытаемся проигнорировать оппозицию центр – периферия, маргинальное не будет идентифицироваться со степенью периферийного и окажется чем-то *иным* (ср. с эквивалентной оппозицией в фонологии). Например, элементом а) вводящим, б) уводящим, в) сопутствующим, г) задающим условия / правила чтения того, что «маргинальным» не является. Пример (г): стратегия рассказывания и показа «вещей» в реализме, умеющая внушить, что то, что предлагается нашему вниманию, «соответствует» «жизни»; что оно – «естественно», непреднамеренно, не-деланно. Попробуем дать определение. **Маргинальным оказывается то, что манипулирует нами так, чтобы мы воспринимали «деланное» как «естественное».** «То, что» может иметь личностнообразный вид или хотя бы силуэт: таковыми инстанциями манипуляции являются повествователь и имплицитный автор. Это есть царство «Маргинального в/для литературном/-ого тексте/-а». Их аналог в царстве «Маргинального в/для книге/-и» – комментатор (схолиаст). (Есть и другие.) Но отставим в сторону персонификации маргинального. Вспомним о происхождении: межа. Междинное, но не серединное (центральное); межа, которая разделяет, но и та межа, к которой сходятся невидимые для ‘нас’ противоположные концы спектра.

Это понятие маргинального находится в опасной близости к понятию *рамка*.

Это понятие маргинального подходит и к другому возможному определению, более общему: маргинальное – это то, что находится на грани (не)видимости, (не)значительности, но в самом деле имеет функцию закуситься и архимедова рычага. Прекрасный пример данного модуса маргинального – заметки писателей на полях книг, один конкретный тип таких заметок: те, которые отмечают в комментируемом тексте точки отправления для собственных произведениях (текстологический / медиальный аспект маргинальности)². Другой пример при том же значении маргинального: маргинализация признаков приемлемости того или другого произведений для тоталитарного режима (метафоризация текстологического аспекта). Может показаться, что происходит снижение критериев с точки зрения какой-то нормативной шкалы; на самом деле происходит их смещение. Так (если обратиться к болгарскому опыту), в 50-х гг. нужно было написать образцовое, с точки зрения нормативной поэтики утрирующего классический реализм

темой столичной светской молвы; и “*маргинален*” – поскольку его стихи печатались в газете, выпускаемой в (...) маргинальном румынском городе (Добрич) и на миноритарном, но не слишком толерированном и даже целенаправленно маргинализируемом румынской языковой политикой 1920-х гг. болгарском языке» (Милчаков, с. 6).

¹ Отметим архетипическое присутствие как раз страницы и проблематичность присутствия листа.

² См. о маргиналиях Пауля Целана в: Gellhaus 2004: 210–213.

соцреализма произведение. На рубеже 60-х–70-х оказалось допустимым сказово-наивное повествование, но с полу-замаскированным «антифашистским» пафосом («Пороховый букварь» Йордана Радичкова), а позднее, согласно обобщению литературного историка Пламена Дойнова, приемлемыми оказываются работы с разнообразнейшими стилевыми признаками, в том числе максимально близкие к политической нейтральности, но неизбежно покоятся критерий персональной верности писателя режиму (точнее, его культурным институтам и стереотипам)¹. От строгого формально-содержательного единства к единству ослабленному и формально-содержательно-персональному. От ядра текста – к позиции архимедова рычага. (Вспомним вышеприведенную ситуацию сосуществования пяти моделей литературного дискурса в грузинских семидесятых. «В основе подобной дифференциации лежит уже не только идеологический антагонизм между дискурсами, или качественные показатели литературной продукции, но, прежде всего, позиция писателя, как проявление социальной идентификации и форм коммуникации» (Ратиани, 11))².

С данной точки зрения маргинальное не подрывает, а стабилизирует. Обращаясь к примеру изображений на полях средневековых книг Запада, можно даже говорить об иницированности / производстве маргинального центральным (ср. с явлением режиссируемой оппозиции / диссидентства) (см. Camille 1992: 26, 43). что не мешает изображениям составлять связный комментарий, основанный на сознательной узурпации смысла, сознательности ложного прочтения (ср. там же, 41–42 и др.)³. Сделаем следующий шаг в переводе топографического ряда в ряд значений, наблюдаемой карты – в интерпретируемую риторическую структуру. Кому выгодно сотворение маргинального? Озабоченность маргинальным (а стало быть, и выведение его на «сцену» называемых и обсуждаемых вещей) рождается в результате неудовлетворенности собой, ощущаемой неполноценности «Я»; эта

¹ Дойнов 2011: 351–353.

² Смещение разломных линий от семантики текста к поведению писателя приводит к тому, что другой автор называет «трикстерской жизнью» писателей (Еленков 2011). Как соотносится эта кривая, кривая *отодвижения* к полосе невидимости контроля, с другой кривой, а именно: поочередной 'центральности' литературы и Союза писателей (1950-е – 1960-е гг.), художников (1970-е), музыкантов (1980-е) (в смысле «внимания» властей и внимания широкой публики) (Еленков 2011)?

³ Сцена выступления *трикстера* в мире книги западного средневековья как раз поле (маргиналиум) (Camille, 26–28). Интересно то, что, на наш взгляд, характеристики Камийем оппозиционности маргинальных изображений в отношении текста (там же, 26–31, 41–43) вполне приложимы к поведению разных взглядов и идеологических оттенков писателей, «заклучивших» с поздним режимом «негласный договор» (Ратиани, при обсуждении работы Еленкова); при этом Камий недвусмысленно заявляет об отсутствии в этом мире альтернативы (вольность в выслушивании прямопропорциональна отсутствию альтернативы), т.е. осмысляет феномен в рамках моноцентрической модели мира, несмотря на постулирование «модели» и «антимодели».

озабоченность стремится уничтожить другое в маргинальном, хотя реализуется под знаменем интереса к другому¹. Маргинальность (положение оптимальной удаленности – в маргиналии) предохраняет инаковость (Другого) от ассимиляции либо уничтожения, т.е. превращание в периферию и экспульсия для инаковости хуже.

3. Возможно, я смешиваю «маргинальное» с тем, что находится на пределе видимости, и которое, скорее, не видно (тогда как маргинальное, скорее, видимо). Возможно, удачно ввести фактор «усилия». **Есть вещи, которые и при усилии внимания от него ускользают; и такие, которые ускользают лишь при его отсутствии. «Маргинальное» совпадает со второй группой: это, так сказать, ускользнувшее познаваемое.** Попробую поставить это понимание маргинального в временной перспективе и сделать набросок типологии. Первый вид такой маргинальности: некоторые вещи слишком новые, чтобы их заметить. Второй вид (дам конкретный пример): есть такие вещи, которые слишком хорошо известны, чтоб их эксплицировать: они принадлежат к кругу т. н. неявного знания (Майкл Полани), которое в самом деле делает возможной понимание (один из докладов тематизировал неявное знание, вложенное в т. н. оперативной литературной критике, и эвристичность его артикуляции в целях истории литературы: Миккел). Третий вид: мы можем недорассмотреть инертное явление, взяв его за «балласт», т.е. маргинализировать его, между тем как оно может быть потенциальной связью между прошедшим и будущим².

¹ Работы исследуемых Эдвардом Хьюзом французских авторов – Пруст, Камю, Женет, Лоти, Гоген, Монтерлан (Henry de Montherlant) «обнаруживают культурное недомогание, при котором недостаточность Я регулярно будит желание эксплуатировать, а также контролировать экзотический горизонт» («express a cultural malaise in which the insufficiency of Self regularly awakens a desire to explore as well as to police the exotic horizon») (Hughes 2011: 7). «(...) [Ж]естикуляция в сторону (межкультурного различия ни в коем случае не гарантирует диалектическое обязательство с ним. В самом деле она часто двусмысленна, ведя за собой преследование частных (эгоистических) целей – сексуальных, политических, эстетических – и побочное исключение Другого» («[...] [G]esturing towards cultural difference in no way guarantees dialectical engagement with it. Indeed, it is often an ambivalent move, entailing the pursuit of private goals – sexual, political, aesthetic – and the collateral exclusion of the Other») (8). Вводя эту симптоматику в русский контекст, вспоминаю о работе Семена Франка «Фридрих Ницше и этика любви к дальнему».

² Так, напр., в одной из лекций (Ракьовски) обсуждался следующий случай: работы X-а и Y-а считаются в достаточной степени свидетельствующими о начале данного стиля, течения или эпохи; в самом деле, однако, только пренебрегаемые работы второго плана, работы авторов, обозванных эпигонами, и делают явление не-случайным, «плотным» и тем самым действительным. Более того: один из тех «эпигонов» (в самом деле менее талантливый или, иначе, одаренный представитель как раз зачинателей, который не сумел преодолеть родильную фазу стиля) развил технику, востребованную позднее, в рамках следующего стиля данной эпохи.

Как имеющее место в зоне видимого, но упущенного из виду, маргинальное имеет шанс избежать внешнего давления и сохранить относительную свободу, что является, наверное, основным активом маргинального (Петкова)¹.

4. Мы не знаем, как определить «маргинальное» с оглядкой на ризоматическую модель мира. Возможно, маргинальным следует считать то, что выпадает из (благополучного) ряда территориализации – детерриториализации. Оседлое, в отличие от кочевого. Упорядочивающее, в отличие от хаотического. Умноженное, в отличие от сингулярного.

В некоторых случаях сам архетип текстуального / медиального схватывания маргинальности – топография страницы рукописной книги – подводит к тому, чтобы отказаться от деления на центральное / маргинальное. Такова, напр., топография страницы из рукописного наследия Вальтера Беньямина². Контекстуализация маргиналий Беньямина в свете *эстетики (тексто)производства* (production aesthetics) и вне зависимости от *эстетики произведения* (aesthetics of the work) (отрезающего маргиналии от основного текста) «показывает, как его практика письма полагает свое собственное обрамление в терминах *вы-ставления*» (198–199). Две из версий (одна черновая и одна беловая) его «Берлинского детства» (*Berlines Kindheit*) «скомпонованы из листов, которые были перегнуты до того, как процесс письма начался» (198). «Маргинальность проявляет себя двумя способами: во-первых, в топографии манускрипта до степени того, что поля становятся пространством, где выставляется внутреннее³; во-вторых, в физическом жесте складывания манускрипта, делающем множественное письмо возможным в буквальном (и мануальном) смысле слова. Тем самым жест письма обретает влияние над семантикой написанного и в этом случае репрезентирует маргинальную сцену письма⁴, на которой текст то и дело выставляет себя»⁵

¹ Петкова 2011. – Под занавесом маргинальности оказывается болгарский академический дискурс о русской эмиграции «первой волны», уклоняющийся от пользования актуального новоязовского «термина» – «соотечественники за рубежом».

² Giuriato 2004.

³ В данном случае имеется в виду воспроизведение важной для Беньямина метафоры книги как дома, куда читателя впускают, как гостя, на поле манускрипта, чем ее глубинная суть или истинность освобождается от наслоений потока произвольных знаков языка (см. там же, с. 202 и 203, примеч. 13 и 14).

⁴ «Рюдигер Кампе предложил термин “сцена письма” для такого типа письма, который охватывает три разнородных аспекта, а именно язык (семантику), техническую подготовку (или инструментальность) и телесный жест» (“Rüdiger Campe has proposed the term “writing scene” for a type of writing that comprises three heterogeneous aspects, namely language (semantics), technical preparation (or instrumentality) and bodily gesture») (Giuriato, 199).

⁵ «Marginality manifests itself in two ways: first, in the topography of the manuscript to the degree that the margins are a space where the interior is exposed; second, in the physical gesture of folding the manuscript, making manifold writing possible in the literal (and manual) sense of the word. The gesture of writing thus

(202–203). Беньямин «подает воспоминание как тот *чистый акт*, который осуществляется исключительно в акте письма (...). Маргиналии становятся равнозначными корпусу текста, полагаемому основным, который между тем становится лишь одним из двух соседствующих столбцов текста. Воспоминание оказывается развертыванием неотъемлемо-забытого, письмо – вуалированием и обнаружением своей собственной маргинальности» (205). «Маргиналия у Беньямина не обнаруживает ни изолированную случайность и побочность написанного, которую можно целиком включить в основной текст, ни вертикальную иерархию (само)комментирующегося значения, санкционирующего порядок текста и подчиненность сопутствующего действия. Свертывание манускрипта является, таким образом, не просто актом технической подготовки, так же, как маргиналии не являются лишь добавлением к тексту или же коррелятом к нему, но внутреннего показа письма как жеста, который нельзя окончить»¹ (206). Открывается перспектива бесконечного ряда *относительных* детерриторизаций².

5. Можно подойти к маргинальному, исходя из эмпирического опыта литературоведов. Какие литературоведческие объекты можем считать маргинальными? а) заметки и изображения на полях рукописных и печатных книг; б) любые виды паратекста; в) любого вида НЕмаркированные позиции в тексте (не начало, не край – как минимум); г) любого вида немаркированные позиции в рамках литературного поля (работы среднего или ниже среднего уровня, такие же авторы, эпигоны, а также такие произведения и авторы, которым не повезло выступить поблизости «великих» и быть «арестованными» литературоведом-полицейским); д) любого вида промежуточные позиции (между жанрами, между беллетристкой и документализмом, 'высоким' и 'низким'³, поэзией и графоманией⁴, литературой и структурированной словесностью для домашнего обихода⁴). Между (б) и (в) замечаем противоре-

---

gains influence over the semantics of the written and in this case represents a marginal writing scene in which the text continually exposes itself».

¹ «The marginal note in Benjamin's work develops neither a segregated accidentality of the written that could entirely be integrated into the main text, nor a vertical hierarchy of (self)commenting meaning, sanctioning the order of the text and the subordination of the parergon. The folding of the manuscript is thus not simply a technical preparation, nor are the marginal notes just a supplement to the text, or simply a correlative, but the inner exposition of writing as a gesture that cannot be completed».

² Соотносимая, по-видимому, и с рядом развертываний; Джуриато указывает на сходство в понимании *развертывания* Беньямином и Делезом (Giuriato, 204, примеч. 15).

³ По крайней мере две работы, заслушанные на школе, затронули этот аспект: лекция Ирины Модебадзе (Модебадзе 2011) о дрейфе советской фантастики в зону высокой литературы и доклад Димитра Александрова (Alexandrov 2011) о нелегком положении дистопических романов Маргарет Этвуд между высоким и низким, интеллектуальностью и (не)популярностью.

⁴ Стоит здесь упомянуть недавнюю болгарскую работу о паралитературе: Борисова, Шуликов, Милчаков 2009; она посвящена теоретическим

чие: виды паратекста как раз маркированы, т.е. они маркируют свою позицию. Противоречия нет: виды паратекста находятся за пределами текста или на междинном рубеже. Отсюда становится ясно, что при смене точки зрения или масштаба рассмотрения как маргинальные можно обозначить разные вещи. Было сказано, что виды паратекста маркируют свои позиции. Отсюда можно прийти к следующей формулировке: предназначенный для паратекста материал оказывается 'маркификатором'. Существует, следовательно, и такой материал, который, будучи введенным на какую-то позицию, ее 'де-маркирует', в смысле 'делает ее немаркированной', незаметной, могущей быть «пропущенной». Это, должно быть, материал, введенный с интенцией не обращаться на себя внимания; или же его не привлекающий, несмотря на интенцию. Значит, **маргинальное – это то, что остается после того, как отмечены все значимые позиции в тексте.** Очевидно, что оно будет неустанно сжиматься. Но имплицитная иерархия, которую мы создаем по ходу его ограничения, вместе с тем конституирует его¹.

(Перечисление, основанное на эмпирическом опыте, можно продолжить. Существенно следующее: **любая структурная единица и любой структурный фактор может быть маргинальным** в определенное время, с определенной точки зрения. Значит, будет уместным подумать о концептуализации **различных режимов маргинализации и демаргинализации.**)

6. Было бы легче постулировать, «что такое маргинальное», не относясь к литературе, и уж затем рассмотреть, как она им пользуется или как его сотворяет (его самого или его образ). Этот ход мыслей соответствует взгляду, согласно которому литература – «от(об)ражение» и т.п. Примером такого рода «маргинального» могло бы быть «женское»; и все еще им может быть любая вещь, НЕ совпадающая с полюсами бинарного, трианарного или иного противопоставления, и которую мы НЕ склонны понимать как разрешение или синтез противопоставления. Пример: Болгария не является ни Востоком, ни Западом (подразумевается: полноценным), следовательно, Болгария маргинальна².

и историческим аспектам встреч литературы (болгарской) с ее школьным, светским, бульварным окружением (выведшим на свет словесность альбомов, сборников с популярными песнями, серий бульварных романов и т.д.).

¹ Мы привыкли говорить, что, когда какой-то материал вводят на маркированную позицию, он обретает вес, он становится более значимым. Но верно и обратное: данный материал может сотворить данную позицию как 'маркированную'. Неслучайно позиция, которая по инерции воспринимается как маркированная, может предоставить вниманию разочаровывающий материал, в результате чего воспринимающий может потерять интерес: и (в перспективе) перестать воспринимать ее как маркированную.

² Другой пример, из русской классической литературы: такие сословия, как духовенство или буржуазия (не мещанство, но купцы и предприниматели): они не принадлежат ни народу, ни правящему классу; ни народу, ни интеллигенции. И, действительно, этой литературе они редко «поставляют» персонажей.

Маргинальное – это то, что не принадлежит ни одной позиции, считаемой полюсом в констеляции.

Этот аспект маргинальности схвачен в недавно лансированном термине «балканизм» (Мария Тодорова). В широком смысле, «балканизм» не моложе римской историографии. В своих «Анналах» Тацит¹ пишет об армянах: «Этот народ испокон века был ненадежен и вследствие своего душевного склада, и вследствие занимаемого им положения, так как земли его гранича на большом протяжении с нашими провинциями, глубоко вклиниваются во владения мидян; находясь между могущественнейшими державами, армяне по этой причине часто вступают с ними в раздоры, ненавидя римлян и завидуя парфянам»² (Анналы II, 56). «К тому же армяне, двуличные и непостоянные, призывали к себе и то и другое войско; по месту обитания, по сходству в нравах, наконец, из-за многочисленных смешанных браков они были ближе к парфянам и, не познав благ свободы, склонялись к тому, чтобы им подчиниться»³ (XIII, 34). В рамках летней школы к проблеме маргинальности как цивилизационной и геополитической промежуточности подошла работа, исследующая дискурсы ориентализма и оксидентализма в балканских культурах XIX века (Аретов)⁴. То, что меня в этой лекции заинтересовало, относилось не к указываемым ею флуктуациям балканской ментальности между ориентализмом и оксидентализмом, интимным усвоением либо дистанцированной инструментализацией положений то одного, то другого дискурсов. Меня заинтересовала проблема тесной взаимообусловленности между ориентализмом и оксидентализмом, след маргинальности в обеих позициях, а также странный дисбаланс между ними⁵. Этот конфликт оказывается культурной универсалией; она ассоциируема с конфликтом двух

¹ Тацит 1969.

² «Ambigua gens ea antiquitus hominum ingeniis et situ terrarum, quoniam nostris provinciis late praetenta penitus ad Medos porrigitur» (Tacitus, Annales II 56).

³ «[A]d hoc Armenii ambigua fide utraque arma invitabant, situ terrarum, similitudine morum Parthis propiores conubiisque permixti ac libertate ignota illuc magis [ad servitium] inclinantes» (Tacitus, Annales XIII 34).

⁴ Аретов 2011.

⁵ Если мы примем утверждение Яна Бурумы и Авишя Маргалита (Бурума, Маргалит 2006 [2004]), что оксиденталистские идеи имеют западное происхождение, мы сможем утверждать, что оксидентализм обречен быть опаздывающим претендентом на доминацию, вечным вторым. Затем, еще асимметрия: конфликт между волей к гегемонии над другим и волей к разрушению / уничтожению другого. Если мы обратим внимание на гражданскую (апеллирующую и к гражданам, и к горожанам) риторику ориентализма и на обращенную к идеализации деревни риторику оксидентализма, мы сможем ассоциировать первый с идеологией поднимающейся либо уже доминирующей бывшей контактной зоны (или с идеологией полиса), а второй – с идеологией упадающего либо доминируемого сельского сердца страны (или с идеологией этноса).

семиотических порядков: конвенциональной, или ликвидной, сигнификации и не-конвенциональной, или текстосвязанной, сигнификации.

Можно, однако, мыслить и монистически, т.е. НЕ дистанцируясь от полюса, с которым, в большей или меньшей мере, явно или тайно, себя ассоциируем: в том случае истина одна, она без остатка за 'нами', а другой полюс – это несомненное и абсолютно неприемлемое зло¹. **Маргинальное ассоциируемо с противником (абсолютным противником, ассоциируемом, в свою очередь, с абсолютным злом).** Это – один из типов маргинальности в рамках данной ситуации. Другой тип репрезентируется собственно теми из «нас», кто номинально имеет право голоса, но кого «нашему» активу и в голову не приходит спрашивать. Притом их возможная оппозиционность или же, наоборот, конформизм, значения не имеют. (Пример – что скажет Болгария по «иранскому ядерному досье».) **Маргинальное – это неуважаемое.**

Как было отмечено в выступлении об ориентализме и оксидентализме, оценка себя как маргинала может в самом деле привести к авто-маргинализации. Спираль авто-маргинализации отключается при вовлечении себя в глобальную экономику литературы, понятой как специфический обмен дарами, показывает другая работа на примере болгарской культуры XIX–XX вв. (Hristov 2011). Синоним этого самововлечения – это подчинение мысли, что ты обязан выразить благодарность за то, что ты подвержен цивилизовыванию, ответным даром, который должен засвидетельствовать степень твоей цивилизованности. «[Э]тот дар в оплату за дар имеет стоимость только в силу того, дает ли он ценное знание просвещенным нациям, властителям мира. (...) Таким образом, дарящий не может претендовать на то, что предлагаемое им знание ценно, если иностранцы его не ценят. (...) дар в оплату за дар литературы (...) производит положение подчиненности (...), доказывая не ценность нации, предлагающей этот дар, но ее неспособность предложить что-нибудь, что было бы ценным» и т.д. (Христов, 12). Следуя за Эрнесто Лакло и Шанталом Муффе, автор работы дефинирует гегемонию как «любое знание, которое так могущественно, что делает знание противоположного незащитимым» (14). Одаряемый в оплату за дар просвещения просветитель становится гегемоном.

В своем кратком рассмотрении маргинализации гуманитариев и писателей в пост-коммунистической Болгарии Амелия Личева (2011) вводит измерение / категорию свободной воли в типологию маргинальности. «В начале 90-х быть маргиналом (...) являлось своего рода вердиктом» (10), тогда как теперь, кроме маргиналов по принуждению, можно различить и таковых по выбору, а также по призванию (14), что можно считать признаком (само)восстановления автономии литературного и гуманитарного полей.

---

¹ Пример: Иран и Северная Корея принадлежат *оси зла*, т.е. они не имеют права голоса: 'мы' с ними разговариваем только из тактических соображений, в силу тактического компромисса (ср. с аксиоматическим: «с террористами переговоры не ведутся»). Для 'нас' нет значения, что думают 'они'. В данном случае маргинальное совпадает с таким образом дефинированным *другим* полюсом.

Попробуем проследить иной тип поведения в отношении маргинализирующих факторов на примере подсоветской¹ литературы. Начальная ситуация характеризуется внесением иного, над-поставленного эпистемологического порядка²; он осуществляем / практикуем социальными инженерами³. Они суть 'драматурги'. На уровне 'персонажей'⁴ – резкая бинарность. На следующем этапе бинарность на этом уровне множится, а резкость противопоставлений смягчается; зато появляется дифференцированность на уровне 'драматургов'⁵. Маргинальность, которая контролирует (относительно) свою судьбу, и маргинальность, которая ее не контролирует⁶. Она осложняется: от состояния (точнее: ситуации) эпистемологической одноуровневости переходит к себя ситуированию как эпистемологически разноуровневой; сотворяет из себя анти-центра.

7. Конечно, литература может делать своей темой, своим объектом и даже своей судьбой маргинальность во всех затронутых здесь ее проявлениях и в более конкретных. Но иногда она умудряется **отобразить или выразить саму, довольно расплывчатую, идею маргинальности**. Я имею в виду модернизм. Модернистское произведение может воспроизвести то, что один из участников (Дарин Тенев)⁷, указывая на романы Джеймса Джойса «Уллис» и «Поминки по Финегану», назвал «машиной производства маргинальности». Исследуя способы введения новых персонажей в модернистских произведениях, коллега приходит к выводу, что уже нельзя ассоциировать маргинальные персонажи с неопределенностью, а центральные – с определенностью. (Наоборот, классическое повествование определено в отношении центрального и неопределенно в отношении маргинального.)

¹ Занимаем понятие у эмигрантской публицистики 30-х гг.

² «[М]ожно сделать вывод, что оппозиционные модели *советский дискурс / антисоветский дискурс* являют собой различные ответы на один и тот же процесс, который сравним с шоковой терапией: обе формы литературного дискурса максимально активированы в 20-х – 30-х годах прошлого века, т.е. именно тогда, когда коммунизм преобразуется из утопической мечты в реализуемый проект» (Ратиани, 4).

³ «Пролетарский дискурс – не только классическая, но и утривованная литературная модель советского дискурса, которая путем слияния мышления “с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата” (Гастев 1919: 10), ее истоки следует искать в агитационно-прокламационной (анти)культуре второй половины 19-го века» (3).

⁴ «Писатель с легкостью объявлялся “врагом”, а его творчество – “антигосударственной деятельностью”, конец всегда был один: наказание» (5).

⁵ «Писатели борются всеми доступными им средствами (...) эффективны все средства, но в этом случае сам писатель уже не является персонажем трагедии, но лишь трагиком, который старается заменить реальность процессом активного мифотворчества» (6).

⁶ На первый взгляд эта разница коррелирует с разницей между рукописями без маргиналий (монстры – среди букв текста) и с маргиналиями, ср. Camille (ниже).

⁷ Тенев 2011.

Более того, нововводимые персонажи могут стать не отличимыми от главных, равно как и от неодушевленных вещей в рамках фикционального мира, чем поддерживается хроническая неопределенность. Имена собственные, гаранты установленной идентичности, «отклеились» от своих обычных референтов, чтоб присоединиться к новопоявляющимся «небулярным» агентам субъектности (ни центральным, ни периферийным, ни одушевленным, ни неодушевленным). Этот механизм разложения идентичностей, а также критериев ранжирования агентов субъектности, препятствует обособлению центра, и, таким образом, маргинальность занимает позицию центра¹.

Системность – последняя добродетель оканчиваемого опыта изложения о маргинальном – изложения, двоящегося между режимом размышления о... и режимом эмпатически-критического переложения высказанных мнений либо выуживания таковых между слов. (Второй из указанных режимов, особенно во втором из своих проявлений, задал нашему изложению горизонт то затихающего, то вновь подхвачиваемого маргинального комментария.) Опыт, заведомо обреченный на неуспех, охватить пересказом либо рефлексией *все* зачитанные на форуме (летней школе) работы заставил меня задуматься о самом событии в терминах его темы. В какой мере вклад того или иного участника фокусировался на общей теме (я имею ввиду усилия)? Насколько эта (не)сопряженность видна?

Так, напр., работу Р. Кунчевой (Кунчева 2011), посвященную болгарской рецепции известного опуса О. Шпенглера (работам проф. Константина Гъльбова, самого «уравновешенного», по словам одного из участников, опыта в ряду опытов болгарских *влиятельных реципиентов*), никак нельзя отнести к тематизациям маргинального. Кроме как в потенции – европейское захолустье читает самоотречение центра. Но мимоходом молвленное приоткрывает иной ряд соответствий между данной работой и другими. Шпенглер – двойной маргинал: от политики (забравшая власть фракция делателей консервативной революции, нацисты, после отказа Шпенглера от сотрудничества, теснит его) и от науки (профессиональные историки стараются маргинализировать этого дилетанта от истории). Уподобить успех «Заката Запада» успеху гимна Царства Болгарского (о нем см. выше, Григоров 2011) мешает как бы инверсированная внутренняя хронология Шпенглеровского случая. Произведение продвигается вопреки габитусу (в т.ч. вопреки репрезентируемым произведением признакам габитуса его создателя – действительного или воображаемого, индивидуального или коллективного), или габитус формируется вопреки / благодаря продвижению

¹ Автор другой работы (Люк Трстон) подходит к той же базисной ситуации по-иному, отправляясь от суждения, что поэтика модернизма является поэтикой бедствия, катастрофы; траншея, мир военнорожденного существования *в скобках* и в промежутке становится нормой (Thurstion 2011). Работа об изображениях в средневековых книгах Запада свидетельствует о семиотическом перевороте, похожем на «негатив» модернистского: это примерно после XII века, когда обозначаются маргинальные образы, а до этого образы являлись *в самой гуще* словесного «тела» страницы (см.: Camille 1992: 18–26).

произведения?.. Маргинальное – поле сосуществования в недопроявленности системообразующих признаков многих систем, полоса разнонаправленной потенциальности. Такое понимание маргинальности кажется несовместимым с определением его как зоны относительной нестабильности, поддерживаемой центром в целях сохранения собственной стабильности. Кажется, что понятие *минорной* литературы по Жилью Делезу и Феликсу Гваттари, полагает какую-то серединную, компромиссную ситуацию: во-первых, отождествимое с маргинальным «минорное» (малое, миноритарное) оказывается в доминирующей позиции, не теряя свой характер (и как раз в силу этого характера) топоса неустановленности, потенциальности и т.п., т.е. перевертывается обычная иерархия, и, во-вторых, истощение всех возможностей по линии осуществления минорного / доминирующего / потенциального *не* приводит к Концу, рамка мира, определяемая противопоставлением потенциальности и осуществленности, каким-то образом преодолевается (я имею в виду понимание Делезом *истощения*, отличное от Ролан-Бартовского его понимания; об этой очень важной разнице зашла речь в работе Стоянов 2011). В только что очерченной трилемме меня смущают не издержки взаимопереводимости между тремя моделями (потеря специфической объяснительной силы прежде всего), а имперсональность творимой ими картины мира. Топографию самодвижущейся материи хочется дополнить риторикой духа.

Я попытался показать эвристичность «пагинальной» модели при обдумывании маргинального, в особенности при выведении ее из непосредственного контекста текстологической медиевистики. Я попытался также продемонстрировать связанность выступающих таким образом топографических аспектов маргинального с аспектами риторическими – такими, которые выражаются в понятиях установки, намерения, воли, (само)внушения, самоотжестственности, инаковости (другости) и того же ряда.

Я надеюсь, что разные и порой противоречивые понятия о маргинальном, к экспликации которых я пришел либо на которые наткнулся, согласуемы внутри постижимого синтеза между топографическим и риторическим пониманием маргинального.

Работы, зачитанные на школе, провоцировали с моей стороны затихнувший было монолог, который я считаю продуктивным. Тем самым что бы я ни думал о ее недостатках (таких, как дефицит прямого и бескорыстного подхода к теме), она выполнила основное предназначение научного форума.

Литература

Алексиева 2011: Анна Алексиева, Поетически маргиналии на Възраждането: даскалската поезия // Доклад, зачитанный на летней школе «Маргинальное в/для литературе/-ы», София, 6-10 июня 2011 г., с. 2–12.

Аретов 2011: Николай Аретов, Страхът от маргиналност и проблемът за оксидентализма в балканските култури // Лекция, прочитанная на летней школе «Маргинальное в/для литературе/-ы», София, 6-10 июня 2011 г., с. [1]–[12].

Борисова / Шуликов / Милчаков 2009: Елена Борисова, Пламен Шуликов и Яни Милчаков. Паралитературата. Текстология, социология, медиатори. Велико Търново: Фабер.

Бурдио 2004 [1992]: Пиер Бурдио, Правилата на изкуството: Генезис и структура на литературното поле, София: Дом на науките за човека и обществото, 2004. [Перевод работы: Pierre Bourdieu, Les règles de l'art: Genèse et structure du champ littéraire, Paris, Seuil, 1998, 1992]

Бурума / Маргалит 2006: Оксидентализмът: Кратка история на антизападничеството, София: Кралица Маб, 2006 [2004]. [Перевод работы: I. Buruma, A. Margalit. Occidentalism: the West in the Eyes of Its Enemies (2004)]

Георгиев 2004 [1990]: Никола Георгиев, Писаха не само да се знае // LiterNet, № 8 (57) (август 2004), <http://litenet.bg/publish/ngeorgiev/statii/pisaha.htm>

Григоров 2011: Григор Григоров, «Шуми Марица» – от официализирането до маргинализирането й // Доклад..., с. [1]–[17].

Дойнов 2011: Пламен Дойнов, Българският соцреализъм: 1956, 1968, 1989: Норма и криза в литературата на НРБ, София: ИИБМ; Сиела, 2011.

Еленков 2011: Иван Еленков, Литературните събития в годишния културен календар на късния социализъм // Лекция..., 50'53'', [Не разполагам с полной печатной версией. Лекция доступна через You Tube на сайте Института литературы Болгарской АН: http://www.ilit.bas.bg/bg/marginal_literature_video.php]

Койчева 2011: Регина Койчева, Интерпретации на маргиналното в старобългарската химнография // Доклад..., с. [1]–[17].

Кузидова-Караджинова 2011: Ирина Кузидова-Караджинова, Славянската версия на Житието на св. Иларион Велики от Йероним Блажени // Доклад..., 1–17.

Кунчева 2011: Рая Кунчева, Освалд Шпенглер и Константин Гьълбов. Залезът на културата – епистемологични и ценностни аспекти // Лекция..., 52'24'', http://www.ilit.bas.bg/bg/marginal_literature_video.php

Личева 2011: Амелия Личева, Периферните зони в литературата: текстове, личности, конфликти // Лекция..., 1–14.

Лотман 2000 [1990]: Ю.М. Лотман, Вътре мислящите мири // Он же, Семиосфера: Култура и взрив; Вътре мислящите мири; Статии; Исследования; Заметки (1968–1992), С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000 (Издание доступно он-лайн: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman_semiosphera.htm#_Тoc17488749).

Милтенова 2011: Анисава Милтенова, Маргиналност, интертекстуалност, паратекстуалност в късноантичната и в средновековната книжнина // Лекция..., 1–24.

Милчаков 2011: Яни Милчаков, Маргиналното – описателна или ценностна категория? // Лекция..., 1–9.

Модебадзе 2011: Советская фантастика – «бегство от действительности» или...? // Лекция..., 1–16.

Пенчев 2011: Бойко Пенчев, Канонът на дивото: Николай Хайтов и Асен Христофоров // Лекция..., 54'44'', http://www.ilit.bas.bg/bg/marginal_literature_video.php

Петкова 2011: Галина Петкова, Маргинализацията – достатъчният език в говоренето за руската емиграция в България (1919-1940)? // Лекция..., 1–11.

- Петрова 2011: Станка Петрова, Акростихът – израз на същността в периферията // Доклад..., 1–10.
- Ракъовски 2011: Цветан Ракъовски, Канонизирани фигури – маргинални автори: Иван Мирчев, Иван Грозев, Д. Пантелеев, Сирак Скитник // Лекция..., 1–23.
- Ратиани 2011: Ирма Ратиани, Советский тоталитаризм и формы литературного дискурса // Лекция..., 1–12.
- Станчев 2011: Красимир Станчев, Литературата на българите-католици: маргинална за Изтока, периферна за Запада, но индикатор за бъдещия модел на българското развитие // Лекция..., 1–16.
- Тацит 1969: Корнелий Тацит, *Анналы* // Тацит, Сочинения: в 2 т., Ленинград: Наука, 1969, Т. I.
- Тенев 2011: Дарин Тенев, Неопределеност и маргиналност при въвеждането на персонажи във фикционални произведения // Лекция... , 1–18.
- Христова-Шомова 2011: Център и периферия в православните календари от Средновековието до днес // Лекция..., 1–15.
- Álamo Martín 2011: Rosa Álamo Martín, Emily Carr's Writing and Painting: A Modernist Experiment of Interdisciplinary in the Margins // Лекция..., 1–15.
- Alexandrov 2011: The Postmodern Dystopian Novels of Margaret Atwood // Доклад..., 1–8 (1–18 с библиографией)
- Burger 1992 [1983]: Peter Burger, *Literary Institution and Modernisation* // P. Burger, *The Decline of Modernism*, [s. l.]: Pennsylvania State UP, 1992, 3–18.
- Camille 1992: Michael Camille. *Image on the Edge: The Margins of Medieval Art*. Cambridge (Mass.): Harvard UP.
- Cleminson 2011: Ralph Cleminson, *Margin as Text* // Лекция..., 46'30'', http://www.ilit.bas.bg/bg/marginal_literature_video.php
- Cowling 1998: David Cowling, *Building the Text: Architecture as Metaphor in Late Medieval and Early Modern France*, Oxford: Clarendon Press.
- Ecdotica 2009: *Ecdotica 6 (2009)*, Bologna – Madrid – Roma: Carocci [тема номера: Anglo-American Scholarly Editing 1980–2005].
- Ferrer 2004: Daniel Ferrer, *Towards a Marginalist Economy of Textual Genesis* // *Variants 2/3: Reading Notes (2004)*, 7–18.
- Gellhaus 2004: Axel Gellhaus, *Marginalia: Paul Celan as Reader* // *Variants 2/3 (2004)*, 207–219.
- Geopoetiken 2010: *Geopoetiken: Geographische Entwürfe in den mittel- und osteuropäischen Literaturen*, hg. v. M. Marszałek u. S. Sasse, Berlin: Kadmos.
- Giuriato 2004: Davide Giuriato, *Folded Manuscripts: Walter Benjamin's Marginal Writing* // *Variants 2/3 (2004)*, 195–206.
- Hristov 2011: Тодор Христов, *The Gift of Literature: Global and Local in the Economy of a National Literature* // Лекция..., 1–22.
- Hughes 2001: Edward W. Hughes. *Writing Marginality in Modern French Literature: From Loti to Genet*. Cambridge: Cambridge UP.
- Kamburov 2011: Димитър Камбуров, *Death as a Marginal Event in Literature* // Лекция...
- Larm 2011: Pille-Riin Larm, *Scissors of the Literary Canon: On the Example of Estonian Literature at the End of the 19th Century* // Лекция..., 1–16.

Marginale 1983: "Marginale" Literaturen. "Marginal" Literatures. Littératures "Marginales". Hg. W. Bader, H.-J. Lüsebrink, R. Sander. Komparatistische Hefte. Heft 7 (1983). Bayreuth: Universität Bayreuth.

Poggioli [1968]: Renato Poggioli, *The Theory of the Avant-garde*, Cambridge (Mass.) and London (Eng.): The Belknap Press of Harvard UP, s.a. [дигит. репринт издания 1968 г.].

Spatial 2008: *Spatial Turn. Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften*, hg. v. Jörg Döring u. Tristan Thielmann, Bielefeld: Transcript, 2008.

Stoyanov 2011: Еньо Стоянов, *Desouvement and Minor Literature: Deleuze–Blanchot Intersections* // Доклад..., 29'28'', http://www.ilit.bas.bg/bg/marginal_literature_video.php

Tacitus, *Annales*: P. Cornelius Tacitus, <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html>

Thurston 2011: Luke Thurston, David Jones: *In Parenthesis, At the Margin* // Лекция..., 1–16.

Vajda 1983: György M. Vajda. Einleitung: *Marginale Literaturen* // "Marginale" Literaturen..., 5–14.

Weigel 2002: Sigrid Weigel, *Zum 'topographical turn'*. *Kartographie, Topographie und Raumkonzepte in den Kulturwissenschaften* // *KulturPoetik* 2 (2002), 2, 151–165.